
Шамиль Идиатуллин

Последнее время

Фрагмент романа

Часть вторая

О крови не беспокойся

1

Солнце было ярким, а ветер жестким. Вокруг шурились, ежились и поругивались, а Альгер наконец-то чувствовал себя дома. Город из неясно-бурого стал четким серым с бежевыми, белесыми и угольными вкраплениями крыш и башен, под ногами перестало чавкать. И грязь, что, высохнув, поднялась к носу и глазам малозаметной, но колючей пылью, Альгера не злила, а заставляла умиленно вспоминать первые походы и развертывание в степи. Пыль, ветер и солнце. Молодость.

Альгер застыл на перекрестке и засмеялся, вынимая из глаза особенно упорную соринку, как перед самым первым боем с кочмаками — тогда Эбербад ему, помнится, даже по уху съездил, чтобы помочь стать в строй поскорее. Альгер за это довольно долго ненавидел Эбербада, до самого начала боя, и всерьез подумывал в суматохе зайти со спины и небрежно повести лезвием, но кочмаки прорвали левый фланг, и стало не до того. Альгер получил стрелу под ребра, и Эбербад полночи пер его сквозь пыльную траву, глинистые овраги и едкий солончак и еще пару раз съездил по уху и по губам, чтобы Альгер не стонал, и Альгер, придя в себя, цеплялся за бьющую руку и за руку волокущую, нежно пожимал их, покряхтывая от боли, и пытался заглянуть Эбербаду в глаза, чтобы тот понял, как Альгер ему благодарен и как не хочет, чтобы Эбербад расстроился и бросил его здесь, в пыли под утихшим ветром, ушедшим солнцем и хрустом шагов кочмаков, которые лениво перекрикивались и так же лениво резали раненых гетов.

Альгер вытер слезу вместе с застывшей улыбкой, локтем привычно отодвинул поглубже заворачивающуюся в боку боль — и чуть не грянул наземь от мощного толчка в спину.

Шамиль Идиатуллин — журналист и прозаик. Родился в 1971 году, окончил журфак Казанского университета, работает в ИД «Коммерсантъ». Первую заметку опубликовал в 1984 году, первый роман — в 2004-м. Лауреат премии «Большая книга—2017» («Город Брежнев»). Живет в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — главы из романа «Бывшая Ленина» (2019, № 7).

Роман «Последнее время» выходит в Издательстве АСТ: Редакция Елены Шубиной.

— Встал тут, — сказали ему и прошли дальше со скрипом и звяканьем.

Вконец стражи, твари, обнаглели, подумал Альгер с бессильной злобой, выпрямился и замер в приятном изумлении. От него удалялись две широкие спины в походной одежде. Почти армейской — но только почти. Знаков принадлежности к страже, союзной службе или просто к армии на них не было.

— Стоять, — скомандовал Альгер, кладя ладонь на рукоять ножа.

Широкие спины застыли немедленно и одновременно и поворачиваться стали тоже очень слаженно. Тем интереснее будет, подумал Альгер с растущим удовольствием и начал:

— Это город, молодые люди, здесь так...

И замолчал, всматриваясь.

Один из двоих, костистый, с ввалившимися глазами, чуть склонил голову к плечу, ожидая продолжения. Второй, плечистый и пузатый, глядел на Альгера, постепенно строя все более дикую рожу. Такую же, очевидно, какую строил Альгер.

Альгер снова поправил локтем занывший бок и выдохнул:

— Эбербад.

— Боги нетрезвые! — взревел Эбербад, в два шага оказался перед Альгером и растроганно съездил ему по уху.

Они с Ульфарном, костистым молчуном, только что вернулись из тихой разработки в земле вендов. С вендами недавно был заключен торжественный мир, пятый и вечный, — вечный, впрочем, третий, — так что никаких разработок, вылазок и походов в отношениях двух замирившихся сторон быть не могло. Их и не было, Эбербад с Ульфарном в составе отряда мирных землеведов просто изучали лесную погранницу родного края, а если изредка пересекали ее, то чисто случайно. И про опального ярла Вальдемара испытывали у местных из праздного любопытства, да не так уж и пытали. Никто же Вальдемара не тронул, в конце концов, жив, здоров, строит козни, пока более удачливых землеведов не дождется.

И жители пограничных деревень кормили и привечали отряд Эбербада сугубо добровольно и из добрососедских отношений, а про повешенного старосту и две сгоревшие деревни Эбербад даже не слышал и рассказывать не собирается. Разве что чуть-чуть, про самое интересное.

— Там таки-ие девки, — рычал он, больно хватая Альгера за локоть. — Глаза черные, волосы белые, грудь — во!

Он разжал руку, чтобы обозначить размеры, и Альгер поспешно перебросил куртку на ближнюю к Эбербаду руку. Ульфарн слегка усмехнулся. Он был не трезвее товарища, но явно приметливее.

— Мягкие! Сладкие! Целые! — выл Эбербад.

Прохожие, опустив глаза, переходили на другую сторону улицы. Альгер неловко улыбался, пытаясь принять одновременно и извиняющийся, и понимающий вид. Ульфарн наблюдал.

В любом случае это было интереснее, чем неизбежно начинавшие беседу жуткие рассказы о наступлении с юго-запада засухи, убивающей урожай и превращающей плодородную землю в топь, которая поглощает дома и уже принимается за людей. Альгер, наслушавшийся такого по службе, был рад тому, что в земле вендов разработчики не обнаружили бед тягостнее, чем строптивые селяне. Слушать про покладистых и сладких было еще приятней — ну, до третьего повтора и перехода от слов к жестам.

— Целую хочу, — сказал Эбербад и остановился, прицельно поводя головой. — Мягкую. Вон там.

Он ринулся через улицу, распугивая и чуть не переворачивая повозки. Альгер, вздохнув, последовал. Ульфарн, похоже, не отставал.

В замеченный Эбербадом веселый дом их не пустили. Привратник сказал, что пьяным и военным в веселые дома на центральных улицах нельзя, приказ мастера.

Эбербад с этим смирился и дал увлечь себя в торговый район. Отказ в тамошнем веселом доме, «девочки отсыпаются, приходите вечером», он тоже принял с удивительным спокойствием. Но в третьем, откровенно занюханном клоповнике, Эбербад взорвался и дал холую в рыло. Тот, признаться, сам нарвался — был высокомерен и не потрудился придумать хоть какое-то объяснение. Но извиняться перед ним пришлось, долго, Альгеру, и вытрясать половину дежурного кошелька на возмещение ущерба — тоже ему. Обошлось бы и без этого, не убили же, даже нос не сломали. Но мимо проходила стража, да и за спиной у отсмаркивающего кровь холуя обнаружилась табличка Желтой гильдии, связываться с которой не стоило ни служивым, ни разработчикам.

В итоге Альгер взялся найти мягких и целых самостоятельно.

Улицы становились уже и темнее, стены — грязнее и облупленнее, под ногами снова чавкала грязь, до которой солнце не дотягивалось никогда, Эбербад бурчал про падение нравов, забытый страх и крайнюю степень неуважения, которую народ демонстрирует своим защитникам, Ульфарн слушал, а Альгер брел, все горше сожалея о том, что встретил старого товарища.

А куда деваться. Память молодости есть память молодости, а долг жизни есть долг жизни. Первую надо хранить, не отвлекаясь, второй — отдавать, не жалея. А если жалеешь, никому не говори и не показывай виду.

Впрочем, долго жалеть не пришлось. Сразу за храмом Фрейи обнаружилась большая баня самого заманчивого вида и оснащения.

— Ждите здесь, — велел Альгер и пошел договариваться, но с полдороги вернулся и еще раз велел ждать здесь и не двигаться, пока он не позовет, а то опять...

Эбербад обиженно заворчал, но не стал выяснять, что там «опять» и не его ли в этом «опять» пытаются беспричинно обвинить, Ульфарн же кивнул и показал, что удержит товарища, если надо.

Обоим, к счастью, хватило ума не высовываться, так что Альгер сумел договориться с лысым безбородым типом южного вида и о палате с парилкой, и о девочках. Девочки выходили дороговато, но раз в жизни Альгер мог себе такое позволить, к тому же сам пользоваться их услугами не собирался. У него была Розамунда, которая всяко красивее и приятнее любой продажной девки. Боевых товарищей уважить необходимо, но и все на этом.

Ну и посмотреть с безопасного расстояния забавно, наверное.

Альгер не слишком любил развратные досуги других народов, что южных однобожников, что восточных и северных колдунов, поэтому не бывал ни в термах, ни в савунах, ни в хамамах, предпочитая мыться дома или в речной запруде, пока она не зацвела. Но озирался он с большим интересом, заранее готовясь сдержанно содрогнуться от омерзения и стыда за разврат и грязь, обыкновенно скапливающуюся под стенами храма, как под любой красивой надстройкой, имеющей грешное человеческое основание.

К некоторому удивлению и даже разочарованию Альгера ни галерея, которой они прошли, ни выделенная им палата «постыдного» либо «развратного» впечатления не производили: сыровато, темновато, душновато, звук тревожно дробится и прыгает между стенами, как попиленный на шайбы чурбан, но в целом довольно чисто, камень светлый или белый, и запахи не дерзкие, а приятные и умиротворяющие: уголь, смола, пиво и жареный ячмень.

Жбан с пивом и несколько стаканов стояли на столе. Эбербад немедленно плеснул себе и выпил раз и другой, рыгнул, невнятно, но одобрительно буркнул сквозь пену, облепившую усы и бороду, и принялся раздеваться. От него поперло перекисшим потом и иными немывостями. Альгер хотел высказаться в пользу предварительного, причем немедленного, помыва, но передумал.

Ульфарн понюхал жбан, пить не стал, кивнул и выжидающе посмотрел на

Альгера. Альгер, потоптавшись, пошел было за лысым, но тот уже вел четырех девок в обычном городском платье.

Куда нам четыре, чуть было не сказал Альгер, но Эбербад его опередил:

— Это все, что ли? Кого из этого выберешь?

Девки равнодушно улыбнулись его груди, начавшей уже обвисать на мощное пузо, и приняли позы, заученные годы тому как. Левая, что погрузнее, так даже, наверное, не годы, а десятилетия. Девка справа, наоборот, оказалась отчаянно молоденькой и плоской, кроме лица, лицо — как у хорька. А вот пара в середине была пригожей, аппетитной и на все вкусы — одна потемней и пониже, вторая порыжей и повыше, обе грудастые, но без свисающих боков. От темненькой Альгер и сам не отказался бы, напомнила она ему одну там, такую, что и углубиться в воспоминания не грех, со всех сторон. Но еще большим грехом было не помнить Розамунду, да еще под стенами храма Фрейи, богини, не видящей разницы между любовью и войной. Поэтому Альгер поправил перевязь — отчего темненькая ухмыльнулась и сделала движение руками и бедрами — и резво сменил предмет размышлений.

Они поэтому, наверное, так и встают, догадался Альгер, чтобы крайних отбрасывали, а брали средних. Крайние, может, и не сдаются вовсе, а создают видимость обильного выбора. Старая уж точно доплачивать должна.

Эбербада как будто возмутила такая же мысль.

— Ты бы еще козу с подворья притащил, нагнал тут... Рабыни, что ли?

— Какие рабыни? — спросил лысый с искренним недоумением, забыв, что должен возмутиться.

Эбербад, невнятно ворча, шагнул к столу и плеснул себе еще пива. Девыцы переглянулись и пошли к двери.

— Ты, рыжая, останься. И короткая тоже, — сказал Ульфарн неожиданно низким, даже певческим каким-то голосом. Из жрецов, что ли, подумал Альгер.

Рыжая остановилась, темненькая тоже.

— Не ты, вот эта, — пояснил Ульфарн, ткнув длинным пальцем в сторону мелкой.

Мелкая посмотрела на лысого, тот дернул глазами и с улыбкой осведомился:

— Еще чего-нибудь любезным господам?

— Еще пиво и бабу, — велел Эбербад, опрастывая жбан в стакан.

— Пиво такого же желаете? Есть конопляное и анисовое.

— Пиво такое же, бабу другую. Мягкую и целую.

— Целых нет, — отрезал лысый, выпрямляясь. — Тут термы, а не жертвенник.

— А это можно легко... — начал Эбербад, развеселившись, и Альгер торопливо перебил:

— Братя, двух вам хватит, а я пас, у меня жена.

Ульфарн засмеялся, разглядывая Альгера, будто привозного зверя. Альгер старательно улыбнулся в ответ, отметив краем глаза, что лысый быстренько увел матерую и темненькую, и даже порадовавшись мельком, что самая пригожая этим не достанется. Оставшиеся девки тихо дышали в углу. Понимали.

Эбербад примиряюще пояснил Ульфарну:

— Брат, в Вельдюре с таким серьезно, у них же контракты... Контракт у тебя, да?

Альгер дернул щекой, некоторое время разглядывал руки Ульфарна, вольно лежавшие на перевязи, и предпочел коротко кивнуть. Эбербад продолжил:

— У них такие контракты, уши режут, если что, у-у. Страшное место этот Вельдюр, да, сестренки? Жаль, что бережливый такой брат Альгер, уши пожалел, а? Ну понимаем, понимаем. Баба-то не тебе, баба мне нужна. Я чего шел? Мне нужна мягкая целая. И где она?

Эбербад выразительно рассмотрел девок, которые немножко ожили, но благоразумно помалкивали, рассмотрел остальную комнату, не обойдя взглядом ни

Альгера, ни Ульфарна, и удрученно развел руками, показывая, что мягкой целой нет. Подумал и добавил:

— То есть я могу и так, да, за братца порадоваться, а, Ульфарн, порадуюсь за тебя? А сам попощусь. Потоскую.

Он ухватил стакан и принялся заливать скорбь пивом, приговаривая после каждого мелкого глотка:

— Не заслужил, значит. Мягкую целую. Чтобы глаза черные, а волосы светлые. Не по рылу моему и не по статьям, значит. Значит, город и народ плохо защищал. Кочмаков и вендов мало резал. Спасал вас плохо.

— Ладно, — сказал Альгер, чтобы не сказать ничего другого. — Найду тебе мягкую светлую.

Он вышел из палаты, постаравшись не хлопнуть дверью, и остановился, покачиваясь и дожидаясь, пока уйдет из глаз черное бешенство. Естественно, никакую мягкую светлую он искать не собирался — да и не умел. За такие слова и манеры по-хорошему следовало не бабой, а ножом награждать, но случай был особым, а долг застарелым.

Оставлю денег лысому и уйду, понял Альгер с облегчением, сделал шаг и чуть не сшиб внезапно шмыгнувшую мимо женщину. Пришлось придержать ее, чтобы не упала и чтобы не сбежала.

Она прошла по Альгеру пронзительно черными глазами, повела удивительно мягким плечом, убирая с лица пшеничную прядь, и сказала негромко, но очень уверенно:

— Ты, мастер, или прижми, или отпусти, чего держать-то без толку?

— Не убежишь? — спросил Альгер, лихорадочно соображая.

— А надо?

— Не надо. Здесь работаешь?

Мягкая светлая улыбнулась:

— Подрабатываю.

Альгер убрал руки, отступил на полшага и рассмотрел собеседницу с растущим восторгом и облегчением. Она ответила оценивающим взглядом. Альгер к таким женским взглядам не привык, ну да что он знал о нравах веселых домов и терм. Девка, наверное, вымывала здесь за гостями или кухарила, ну и в палаты забегала, если звали. А чего не звать — девка не то чтобы видная, невысокая, скулами и плечами широкая, а ногами худоватая, откровенная кочмачка или еще какая степная поросль, и одета на редкий даже для степняков манер, с ремешком или завязкой чуть ли не на каждом суставе, но вполне пригожая, да и страсть к сочетанию мягкого, черного и белого гложет, возможно, не одного гостя.

Альгер задрал ладони в знак чистых намерений и спросил:

— Хорошо заработать хочешь?

— С тобой, что ли? Так иди с хозяином договаривайся.

— Он тебя скрывает пуше драгоценности, — сказал Альгер и сообразил: — А деву изображать умеешь?

— Дяденька, голову лечи, — сказала девка зло и повернулась, чтобы уйти.

Альгер прынул к ней и тут же качнулся обратно, задрал ладони выше.

— Ну дружок у меня, должен я ему, вбил в голову, пьяный очень, — горячо зашептал он, гадая, что за звуки толчками выходят из-за двери, нехарактерные даже для веселых терм.

Девка тоже услышала и пыталась разобраться. А то и разобралась уже, судя по остановившимся глазам.

— Три мерки даю, — торопливо сказал Альгер. Цена была несуразной, он за три сговорился с лысым на все — палата, парилка, две девки и жбан пива, — но куда деваться.

— Покажи, — велела девка против всяких правил и приличий, да не до них уже было. За дверью отчетливо раздался женский вой, пресеченный ударом. Альгер оглянулся на дверь и пробормотал с досадой:

— Да что ж они. Все в порядке будет, обещаю. Пойдем скорей, а?

Он хотел сказать девке, что входить без нее — только раззадоривать всех, тогда пусть уж лысый сам разбирается, а вот новая девка наверняка отвлечет и смягчит Эбербада, а там можно будет уйти от ударов в слова и заболтать неприятность так, чтобы она стала терпимой. Без девки никак.

— Деньги, — напомнила она, не отрывая неприятно черных глаз от бороды Альгера.

Альгер поспешно вытащил кошелек и показал его нутро девке:

— Вот, семь мерок, три хозяину, три тебе, по чести.

— И там все в порядке будет? — осведомилась она с непонятным выражением. — Ты поручился, так?

— Да-да, — торопливо буркнул Альгер, мельком удивившись обширности лексикона дикой кочмацкой девки. — Идем?

Уже толкнув дверь, он спохватился:

— А девственность-то, кровь?..

— О крови не беспокойся, — сказала степнячка, подталкивая Альгера в спину.

Никто не смел трогать Альгера без его согласия, кроме жены и командира, но дать урок нахалке он уже не успевал — да и не до того стало.

Девка советовала не беспокоиться о крови. Она ошиблась.

Альгер понял, что тоже ошибся, но сообразить, сколько раз и когда впервые, уже не успевал.

Эбербад сидел за столом. Голая грудь и борода у него были неровно перепачканы кровью. Не его кровью, а рыженькой девки. Она была плохо видна и еле слышна, потому что стояла на коленях, а Эбербад, ухватив ее за волосы, прижимал лицом то к своему животу, то ниже, не давая ни вскрикнуть, ни задохнуться. При этом он сердито бормотал под нос про то, что не заработал, оказывается, ни на мягкую светлую, ни на пиво, а свободной рукой теребил, потряхивая, пустой жбан.

В углу всхрипнули, и Альгер перевел взгляд туда с ужасом: кряхтение было совсем не женским. Оно и не было женским: кряхтел Ульфарн. Он, даже не раздевшись, возился над распростертой мелкой девкой. Альгер не сразу разобрал, что именно Ульфарн делает с нею, потом ужаснулся, домыслив подробности, потом с облегчением понял, что правдой это быть не может, ведь даже с мертвым человеческим телом такое творить затруднительно, а потом просто привалился спиной к стене, пытаясь не рухнуть, ведь Ульфарн делал с мелкой именно то, что увидел и домыслил Альгер. А она даже не стонала. Видимо, была без сознания. Только безвольно моталась на тонкой шее залитая кровью голова. Кровь была слишком черной и густой.

— Эбербад, я нашел, — услышал Альгер слабый голос далекого незнакомца, задумался о том, откуда здесь взялся незнакомец, поспешно захлопнул рот и прикрыл его ладонью, сообразив, что это никакой не незнакомец, а он сам говорит, обращая внимание рехнувшегося Эбербада на себя и на ни в чем не виноватую кочмацкую девку, и что самое мудрое, что он может сейчас сделать — это схватить несчастную светлую мягкую за шиворот и бежать прочь, мимо лысого, мимо ворот, мимо прохожих и мимо стражи, надеясь на то, что никто не успел его разглядеть, запомнить и что никто не сможет найти.

Но сил бежать не было, ни на что сил не было, только на то, чтобы стоять и смотреть, как Эбербад вздергивает голову, разглядывает вошедших, и его слипшиеся в кровавые сосульки усы расплзаются от улыбки, как ножки надувающейся гусеницы.

— Све-етлая, — протянул Эбербад и отшвырнул рыжую от себя.

Она рухнула на пол и потихонечку поползла, не видя куда: один глаз затягивался

огромной опухолью, а нос был явно сломан, с подбородка густо капало. Ползла она куда не надо, к Ульфарну.

Тот, к счастью, не замечал.

А Эбербад медленно восстал и двинулся к двери, радостно причитая сквозь кровавую бороду:

— Вот брат ты братишечка мой милый, вот и нашел, что нужно старику. Сейчас старик отдохнет наконец. Сейчас старик заслужил, так выходит. Сейчас старик получит заслуженное.

— Он меня бить будет? — слишком хладнокровно осведомилась кочмацкая девка.

Она даже не пыталась выскочить в коридор, наоборот, давила дверь лопатками, будто нарочно, чтобы та закрылась потуже. Лицо у девки покраснело, словно от удовольствия, только складка между бровями осталась белой.

Альгер поспешно замотал головой, и Эбербад, улыбнувшись еще шире, повторил это движение так, что с усов сорвалась пара густо черных капель.

— Зачем бить? — удивился он. — Я женщин не бью, миленьких таких, мяконьких таких, светленьких... Вот эту я же не бил, несмотря, что рыжая.

Он попытался, не глядя, ткнуть рыжую ногой, но та уже отползла, так что Эбербад потерял равновесие и чуть не рухнул на пол.

— Сделаешь хоть что-нибудь? — уточнила светлая, зыркнув на Альгера и снова уставившись на Эбербада и немного на Ульфарна.

Тот порывивал все ритмичней и на происходящее рядом внимания не обращал.

— Эбербад, ты рехнулся? — слабо спросил Альгер сквозь ком в горле и груди. — Стража же... Повесят же.

— Меня? — изумился Эбербад. — За девку продажную — меня, воина, честного командира, который кровь за вас проливал?

— Вот так и проливал, значит, — сказала светлая, присев и качнувшись из стороны в сторону.

Коленки у нее, видать, тряслись, сколь бы твердым ни оставался голос.

— Сла-адкая, — промычал Эбербад. — Сейчас-сейчас, покажу, как.

Он внезапно очень трезво посмотрел на Альгера:

— А если что — откупишь. Ты мне жизнь должен, помнишь ведь? Вот и плати, братишка.

Он кинулся на Альгера, и Альгер, не думая, рухнул набок, выдергивая нож, но не смог выдернуть, поскольку на ножны и рухнул.

Удар, шипение, легкие шаги.

Альгер завозился, перекатываясь на спину, и обнаружил, что Эбербад примерно так же неловко барахтается на полу у двери, с недоумением поглядывая на неправильно вывернутую ногу, а светлая идет в глубину комнаты, на ходу поправляя пятку мягкого сапога. Эбербад, значит, кинулся не на Альгера, а на светлую, а она увернулась так ловко, что нападавший влетел в дверь и кулаком, и лицом.

К тому времени, как Альгер понял это и попытался встать, светлая, перешагнув через рыжую, нагнулась к всхрапывавшему все отчаяннее Ульфарну и без размаха ткнула его не костяшками, а мягким низом кулака в загривок и сразу в ухо, повернулась и пошла к Эбербаду.

Ульфарн молча, даже не всхрапнув напоследок, рухнул лбом в пол рядом с головой мелкой девки. И замер.

Эбербад, возможно, понял, что это значит, и попытался собраться, чтобы встретить светлую, а та свела и развела кулачки и легонько, все так же, мягким низом, ткнула одним Эбербада в глаз, а другим под горло.

Эбербад схватился за лицо и за горло и завопил, сквозь пальцы потекло черное, а светлая, подмигнув Альгеру, издала стон, высокий и такой нежный, что Альгер,

потерявшись, выпустил из руки пойманную наконец рукоять ножа, чтобы придавить постыдное и неуместное вздымание плоти.

Эбербад завопил громче и заглянул правым глазом в полные крови ладони. Вместо левого глаза у него было вдавленное синеватое веко, из-под которого будто стекало разбитое яйцо с багровым желтком. Из черной дырки между ключицами толчками бил фонтанчик крови. Светлая простонала еще сильнее и нежнее, отряхнула и сунула в тонкую подошву сапога похожий на спицу клинок, присела перед Альгером, смотревшим на нее с виноватым испугом, ловко выдернула его нож и полоснула по шее.

Альгер поморщился от короткой боли и мерзко затопившего рот и горло душного потока, тронул скользкую шею, ужаснувшись размеру раны, которую трудно будет зашить, да и шрам останется, и жалобно поглядел на светлую.

Зови лекаря, попробовал сказать Альгер, соображая, что правильнее: позволить крови стекать на пол или глотать ее, что плохо для желудка, — но не смог ни сказать, ни понять.

Эбербад за спиной девки закричал отчаянно. Светлая тоже увеличила громкость и торжество стона, так что во дворе засмеялись и подбадривающе засвистели. Очень недалеко отсюда. Там, оказывается, продолжалась и будет продолжаться нормальная человеческая жизнь. А здесь была только смерть, умеющая счастливо стонать с каменным лицом и по колено в крови.

— Я же говорила, о крови не беспокойся, — странно гнусавым, не идущим ей голосом протянула светлая, ловко нашаривая и выдергивая кошелек Альгера. — Не бойся, у тебя быстро будет. Ты парень неплохой, просто обещание держать не умеешь. Можешь посмотреть, что с плохими бывает.

Она очень горячей рукой подняла и будто подклеила тяжелеющие веки Альгера, встала и подошла к Эбербаду.

Тот какое-то время пытался сопротивляться, а Альгер какое-то время смотрел, что бывает с плохими. Но оба не успели пожалеть о том, что были недостаточно хорошими.

Последнее время наступает и выходит по собственному усмотрению.

2

Небо было, как всегда, огромным и всеобъемлющим, перечеркивавший небо Гусиный путь остро сиял, как солончак в полдень, сияли и созвездия, названия которых она не знала, поэтому придумывала сама: Стадо жеребят, Лепешка, Котел с Бараньей ногой, Брат и Сестра, — и каждая звездочка была, как прокол черной страшной бездны, сквозь который ночью пытается продавиться невероятный жар ночного спрятанного, но куда более лютого, чем дневное, солнца, чтобы упасть на землю и сжечь ее. Если небу, которое днем и ночью любит на землю и живущих на ней людей, перестанет нравиться вид, оно позволит ночи затянуться. Тогда ночное солнце сквозь проколы звезд доберется до земли — и наступит Ахыр заман, Последнее время. Но пока небо терпит. Раз за разом приходит рассвет, и дневное солнце выталкивает ночное из дозволенного участка мира.

Наверное, так будет и сегодня, сонно подумала она и прикрыла глаза, но тотчас поехала. К костру шел Тотык, разговаривая с кем-то на незнакомом языке. Язык был странный, с неправильными твердыми звуками, и какой-то неровный, будто говорящий подпрыгивал, отчего тон бродил вверх-вниз, а слова точно обрывались и начинались с середины. Тотык сам не слишком умел обращаться с этим языком, поэтому слова у него звучали то слишком гладко, то потешно, а иногда не выходили совсем, и он с усмешкой переходил на родной. А его родного почти не знал собеседник

Тотыка. Самые простые слова он произносил грубовато и неверно, да и голос у него был сипловатый и сдавленный. Но друг друга они понимали.

Собеседник негромко настаивал на чем-то, а Тотык пытался отболтаться, со смешками и вроде бы вполне добродушно, если не расслышать брошенное вполголоса «Знаю я, что должен, потрох ты рыбий». «Рыбий потрох» у Тотыка было худшим ругательством, хуже оскорблений крови, матери и даже неба и отца.

Ей показалось, что и впрямь пахнуло рыбой, сырой вспоротой, затем сильнее — жареной, а затем отчетливо — просто углями на горячем железе, и она, так и не рассмотрев ничего, кроме двух зыбких силуэтов на фоне огня, поспешно прикрыла глаза, стараясь дышать ровно. «Мальчик, спать», — подумала она почему-то. Щеке стало жарче, над веками загуляли красные и желтые полосы. Сипатый что-то сказал, Тотык возразил, утомленно добавив:

— Сядь праведно.

Она не поняла, что это ей, и Тотык предупредил уже знакомым тоном:

— Накажу. Глаза открой и сядь праведно, на тебя посмотреть хотят.

Она без суеты, но и не мешкая, заворочалась и села на кошме, не поднимая головы. Жаровня с углями приблизилась, почти обожгла левую щеку и заставила выбившиеся из-под платка волосы скрутиться, воняя паленым, прошла кругом мимо лба к правой щеке, опустилась к подбородку. Твердый холодный палец, воняющий не рыбой и не углем, оказывается, а мокрым железом, ткнулся в губы — она вздрогнула, — приподнял верхнюю, оттянул нижнюю, проехал от переносицы к кончику носа и убрался.

Она поспешно отъехала по кошме назад, боясь поднять голову. Сипатый усмехнулся, они с Тотыком опять заспорили, причем Тотык злился все сильнее, повторяя то «Кошчы», то «Кул», и вдруг похлопал ее по плечу, веля встать, и сказал на понятном языке:

— Кула бери, если хочешь, я не возражаю, приказ есть приказ. Девку не отдам. Кто в даваре служить будет, стряпать, котел мыть?

Сиплый как будто поддакнул ему и засмеялся. Тотык зло возразил:

— Да она мелкая еще, под небом-то не греши.

Сипатый, подняв жаровню повыше, снова осмотрел ее и легонько, так же, как по носу, провел пальцем по ремням от горла до живота. Она вздрогнула и вцепилась в штаны на бедрах, отчаянно боясь поднять взгляд. Нельзя встречаться глазами, как будто она согласна или не согласна, или свободный человек, а не Кошчы.

Сипатый что-то задумчиво сказал, Тотык ответил и вполголоса добавил:

— Не бойся, не отдам тебя. Да ты и большая для него, ему соплюха нужна. Пусть Кула берет.

Какого Кула, мучительно подумала она, но не та она, что сидела недалеко от костра, покрываясь потом, ледяным от ужаса и немножко знойным от жаровни, а другая она, наблюдавшая откуда-то сверху и сбоку, ниже неба и выше костра, но сипатый опять длинно заговорил, сбивая с мысли, и Тотык кивнул чуть в сторону, где кто-то спал на такой же кошме, или не спал, а, как и она недавно, делал вид, что спит, обмирая от страха и тоски.

Сипатый цыкнул и сказал — и она вдруг его поняла, не она, вернее, а та другая, что смотрела со стороны, и не поняла, а как будто после долгого перерыва услышала песню на чужом языке, который выучила только сейчас.

Он сказал:

— Обидно, что тебе девка, а мне мальчик. Хоть жизнь ей облегчу слегка.

Холодный твердый палец уперся ей в подбородок, поднимая лицо. Она решила поднять глаза — и в глаза ударило ночное солнце, сломав ей голову светом, болью и невозможностью дышать.

Мальчик закричал.

Она села, судорожно пытаясь вдохнуть, и какое-то время металась невидящим взглядом по негустой тьме, а руки нелепо, как будто сроду не учились ничему, то болтались в воздухе, то накрывали переносицу, в которой клокотали вся кровь и вся боль мира. Тут она вспомнила — мальчик закричал! — откинула простыню и повернулась к мальчику.

Мальчик не кричал, а спокойно дышал, сомкнув длинные ресницы, и луна нежно держала его прозрачным серпиком за обвод щеки, только этим да пятнышком на кончике носа обнаруживая свое присутствие в камере.

Некоторое время она наглаживала воздух над мальчиком, как учил Золач, внух — не столько для того, чтобы убрать дурные сны, сколько для того, чтобы самой окончательно вынырнуть из дурного сна. Это ведь в ее дурном сне кричал мальчик, и это был не ее мальчик, а другой, но тоже ее, хотя такое невозможно — и вообще, и потому, что свои не забываются. Тем не менее, она честно попыталась вспомнить, но, как всегда, лишь ухватила одной рукой за невыносимо занывший нос, другой — за горло, чтобы сдержать тошноту.

Ей, наверное, надо было чувствовать благодарность к сипатому. Ее ведь и впрямь почти не трогали, а когда пытались тронуть, сразу отставали. Оно и понятно, днем гнусавит и дышит с похрюкиванием, ночью храпит на пол-давара, а нос кривой и с течью всегда, днем и ночью, зимой и летом. Она и сама к такому привыкла, и когда пять лет назад узнала, что хороший лицеправ может все сладить за полчаса, долго колебалась, не дороговато ли пять мерок за такую быструю, необязательную, да еще и болезненную, говорят, переделку. Насилу себя уговорила и ни разу не пожалела — ни о деньгах, на тот момент составлявших почти все ее скопленные за полтора года запасы, ни о переменах.

Из носа перестало капать, мужчины и даже некоторые женщины, в том числе давно знакомые, почти сразу начали разговаривать, трогать и предлагать всякое, что сперва пугало, потом радовало и занимало, но после надоело — ну и мальчик образовался. Отучаться от гнусавости пришлось довольно долго, нос до сих пор подтекал на сильных чувствах, переносица ныла перед дождем и в миг ярости, а от храпа, если верить отцу мальчика, не получилось избавиться до сих пор. Она и сбежала-то, чтобы не мешать спать хорошему парню. Ну, сама так считать привыкла, во всяком случае, — и кто докажет, что было не так?

И все это время она надеялась, что встретит сипатого. И боялась, что встретит его. Надеялась отомстить — и боялась, что слишком увлечется.

Сипатый наверняка давно сгнил, он, судя по голосу, был в возрасте уже тогда, предмет его занятий редко сопряжен с долгожительством, да и пограница союза со степью за дюжину лет пережила столько палов, засух и показательных охот на разработчиков, рейдеров и работарговцев, что шансов дотянуть до встречи с нею у сипатого почти не было.

Она хорошо это понимала — но еще лучше понимала, что ищет сипатого в каждом мерзавце и что первым делом сломает мерзавцу нос, а дальше уж куда вдохновение выведет. Тотык говорил, что без вдохновения воин равен мяснику, а мясники быстро тупеют.

Вдали вскрикнули, но не мальчик, а женщина или девица, и не истошно, а будто останавливая кого-то. Не самый обычный для предрассветного часа звук: в это время положено или храпеть, или сонно бормотать, собираясь на службу, или утомленно ругаться вдолгую на излете затянувшейся гулянки.

Впрочем, больше не кричали и не шумели. Бывает и такое. Хозяюшка отогнала перебравшего постояльца, веселая девка обуздала позволившего себе лишнее гостя, а может, девчонка шуганула козу от мусорной кучи.

Она послушала еще немного, почти успокоилась, но на всякий случай с шептанием мазнув рукой над головой мальчика, тихонько встала, поправила лоскуты

баулы, подтянула распушенные на ночь ремни, влезла в войлочные туфли, с удовольствием ощутив пальцами левой ноги твердую холодную помеху, подошла к двери каморы, прислушалась, бережно, не скрипнув и не потревожив прохладного тока воздуха, приоткрыла дверь и выскользнула в коридор.

Коридор был пуст и залит, как воском, черной тишиной. Свет ей и не был нужен. Она уверенно, даже не считая шагов, а будто в такт непридуманной песенке, дошла до двери в тридцать пятую камору, она же пятая строчка песенки, очень осторожно, приподнявшись на цыпочках, ухватила за концы деревянную планку над дверью, потянула и на последнем остатке, когда спина уже стонала и готовилась то ли хрустнуть, то ли лопнуть в серединке, без щелчка вытолкнула эту планку вверх.

Беззвучно выдохнула, отбила несколько поклонов на южный манер, сбрасывая напряг в мышцах и суставах, вынула из левой туфли сперва ступню, затем, балансируя на правой ноге, монеты и, не сумев отказать себе в удовольствии повыпендриваться, пока никто не видит, вытянула левую ногу в сторону, вверх, а потом, медленно и четко разворачиваясь на правом носке, выгнула торс, чтобы он и нога были отрезком прямой, поводила этим отрезком, как стрелкой компаса, туда-сюда по линии горизонта, выпрямилась, на том же плавном движении ловко втокнула монеты в щель над дверью и поставила планку на место. Вернула на место и слегка подмерзшую ступню. Замерла. Прислушалась к себе и к миру.

Все было хорошо. Она была сыта, здорова и в неплохой форме, заработала за день больше, чем за месяц, хоть и куда меньше, чем надеялась, слегка очистила землю под небом и почти выпалась, несмотря на буйный и не то чтобы обыкновенно прошедший день.

Она собиралась всего-то проверить нечаянную наводку. Брунгильда, северная девка, снимала камору в соседнем крыле. На прошлой неделе за поздним завтраком в харчевне она рассказала землячкам, что хозяину терм ко дню стирки или даже ко дню Фрейи привезут на хранение кубышку манихейской теневой общины, и кабы у девки был серьезный друг с надежным отрядом, можно было бы обеспечить всему отряду долгое безбедное существование в любом вольном городе союза. Северянки с хихиканьем пообсуждали это, посетовали на острую нехватку серьезных друзей, а лучше целого отряда друзей, которые пригодятся не только в редких случаях, связанных с возможностью обнести манихейских трактирщиков и притонодержателей, но и почти каждый день, а лучше — ночь.

Северянки разговаривали весело, уверенно и громко, полагая, что наречия руси, сословия, постоянно передвигающегося по рекам и заливам на гребных кнурах, в прилесных городах не понимает никто. Она тоже понимала с некоторым трудом — столько лет прошло, но главное уловила — и в тот же вечер пошла к термам на разведку. И на следующее утро пошла, и пробыла там до вечера. И так каждый день, пока вчера утром не увидела подвоз кубышки: сперва поодаль остановились три повозки с серьезными мужчинами, которые, побродив по окрестностям, рассредоточились по зданию. После во внутренний двор въехала пара укрепленных повозок и вывернула к главному подъезду. Из терм вышел отряд смешливых парней в черно-белых одеждах и с полностью выбритыми головами — у них, кажется, даже ресницы были выщипаны, — явно веселясь, попрощался с бледным от ответственности хозяином, погрузился в повозки и умчался.

Серьезные мужчины разъехались через полчаса, уверившись, очевидно, что кубышка хранится как надо и где надо.

Еще через полчаса она брела по коридорам терм, приглядываясь, принохиваясь и выискивая признаки прохода к сокровищам, которые обеспечат ее, мальчика, а может, и детей мальчика на пять жизней вперед. Не успела.

Но жалела она не об утраченной навсегда возможности найти и забрать кубышку — в квартал Фрейи, понятно, ей больше не соваться, — а о том, что не успела

услышать голоса долговязого урода, терзавшего малолетку. Вдруг он был сипловатым. Хорошо, если был, жалко, что не услышала, — но спрашивать было некогда.

Об остальном она не жалела — ни о том, что зарезала троих, ни о том, что спасла двух продажных девок, ни, понятно, о том, что обеспечила себе и мальчику полгода если не сытой, то сносной жизни и стала на шаг ближе к выполнению главной мечты о тихой жизни вдвоем.

Шаг — тоже немало. С него все начинается, многое продолжается и кое-что завершается, иногда даже счастливо.

Со стороны каморы долетел звук. Скрип и вздох. Мальчик проснулся, поняла она и быстро, но по-прежнему тихо пошла к двери, которую оставила приоткрытой. У порога беззвучно шепнула «мальчик, спать» и запнулась, сама не успев понять, почему, но мальчик жалобно сказал «мама», и она шагнула за дверь и сразу дернулась к пятке, понимая, что бесполезно: клинки остались в сапогах, страж сбоку двигался быстро и умело, так, что от лезвия возле уха она могла и не уйти, еще один страж в глубине комнаты держал ее на прицеле, и самое скверное — третий, главный, по всему, страж сидел на кровати, и не просто сидел, а держал на коленях сонного мальчика, приобняв его так, чтобы горло было в сгибе локтя.

Страж двинул локтем, чтобы она поняла, и она поняла, холодея, а мальчик, к счастью, не понял: он хмыкнул и повозил шеей с явным возмущением.

— Мама, мы уходим? — пробормотал мальчик.

— Да, — ответила она. — Не при нем, пожалуйста.

— Умная девочка, — сказал страж, не спеша встал и, издевательски баюкая мальчика, отнес его к пожарному выходу, который она считала наглухо заколоченным и заваленным. Он передал мальчика, пробормотавшего что-то непонятное, но, кажется, не испуганное, в приоткрытую теперь дверцу — с той стороны приняли и унесли.

И пошел к ней.

Она тут же присела, прикрывая голову и грудь.

Помогло это не особо. Зато нос не сломали.